
ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

Ф. ЭНГЕЛЬС И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Л. И. Гольман

Роль Ф. Энгельса как одного из основоположников марксистской исторической науки определяется прежде всего его участием в разработке материалистического понимания истории. Главная заслуга в создании исторического материализма, раскрывшего основные законы развития общества, принадлежит, как неоднократно подчеркивал сам Ф. Энгельс, К. Марксу¹. Однако и ближайший его друг и соратник внес чрезвычайно большой самостоятельный вклад в обоснование и развитие как общих положений исторического материализма, так и его отдельных категорий.

Достаточно вспомнить, что еще до начала сотрудничества с К. Марксом Ф. Энгельс прокладывал собственный путь к материалистическому истолкованию исторического процесса, что он был соавтором К. Маркса при написании «Немецкой идеологии» (1845—1846 гг.) — произведения, в котором материалистическое понимание истории впервые выступает как целостная и развернутая концепция. Ф. Энгельсу принадлежит заслуга первого систематического изложения исторического материализма, которому посвящен ряд глав его труда «Анти-Дюринг». Самый термин «исторический материализм» был введен впервые в научный оборот именно им в его введении к английскому изданию 1892 г. брошюры «Развитие социализма от утопии к науке». Значительным шагом вперед в развитии марксистской теории исторического процесса явились известные письма Ф. Энгельса П. Эрнсту 5 июня 1890 г., К. Шмидту 5 августа и 27 октября 1890 г., Й. Блоху 21[—22] сентября 1890 г., Ф. Мерингу 14 июля 1893 г., В. Боргиусу 25 января 1894 г., в которых — в противоположность вульгарному «экономическому материализму» — был показан диалектический характер взаимоотношений между экономическим базисом и политическими, а также идеологическими надстройками².

Вместе с тем в своих произведениях Ф. Энгельс дал многочисленные классические образцы применения диалектико-материалистического метода к анализу конкретных исторических явлений и событий. Творчество Ф. Энгельса-историка отличается исключительным богатством и охватило важнейшие стороны всемирно-исторического процесса, историю

¹ См., например, К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 19, стр. 348; т. 21, стр. 1—2, 300—301.

² См. «Фридрих Энгельс. Биография». М. 1970; «Фридрих Энгельс. Биография» (пер. с нем.). М. 1972; П. Н. Федосеев. Фридрих Энгельс и его вклад в теорию и практику коммунизма. «Марксизм в XX веке». М. 1972; «Энгельс-теоретик». М. 1970; «Энгельс и современные проблемы философии марксизма». М. 1971; «Актуальные вопросы идейного наследия Фридриха Энгельса» (к 150-летию со дня рождения). М. 1970; «Фридрих Энгельс — великий мыслитель и революционер. Материалы научной конференции». Л. 1972; «Энгельс и современное научное знание». София. 1971; A. Cornu. Comment Engels a coopéré à la formation du matérialisme historique. «La Pensée», 1972, № 161, II; «Engels. Revolutionär und Wissenschaftler». В. 1973.

различных эпох и стран³. Чрезвычайно важное значение для марксистской историографии имеют также мысли Ф. Энгельса о специфике истории как науки, ее месте в системе общественных наук и роли в общественной жизни. Касался он в своих трудах и письмах и вопросов о путях и способах установления исторической истины, а также других проблем, относящихся к области методологии исторического исследования, в частности к области познания исторического процесса. Решение этих проблем давалось Ф. Энгельсом в духе материалистической диалектики и нередко было органически связано с разработкой им важнейших положений марксистской философии в целом. Здесь находили свое выражение применительно к специфической области истории различные стороны марксистской теории познания: трактовка познания как отражения объективных закономерных процессов, происходящих в реальной действительности, понимание диалектического характера причинной связи, диалектического единства свободы и необходимости, абсолютной и относительной истины, роли практики как критерия истины и т. д.

Отнюдь не все мысли Ф. Энгельса, относящиеся к области исторического познания, были высказаны им в развернутом виде. Он не ставил перед собой задачи написать специальное руководство по логике и методологии исторической науки. Нередко то или иное положение в этой области вытекает не из прямого высказывания, а из его собственного подхода к конкретным историко-методологическим проблемам, источникам и фактам. Если, однако, суммировать как высказывания, так и эти отдельные примеры конкретного решения методологических проблем, то можно прийти к выводу, что Ф. Энгельсом вместе с К. Марксом были заложены основы научной теории исторического познания, имеющей своей базой диалектический и исторический материализм⁴.

³ Об Ф. Энгельсе-историке написано немало, хотя обобщающего труда, в котором были бы в систематизированном виде освещены все главные стороны его научного творчества в области истории, еще не создано. Существующие работы, как правило, посвящены либо вкладу Ф. Энгельса в отдельные отрасли исторической науки, либо его взглядам на некоторые проблемы истории, а также характеристике некоторых его историко-социологических произведений. Назовем лишь несколько работ сравнительно обобщающего характера, вышедших в последнее время: Е. В. Гутнов а. Основные проблемы истории средних веков в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса. М. 1970 (см. также соответствующие разделы в другой монографии того же автора: «Историография истории средних веков». М. 1974); Н. Е. Застенкер. Материалистическое понимание истории — великий революционный переворот в исторической науке. Исторические взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса. «Историография нового времени стран Европы и Америки». М. 1967; «Энгельс и проблемы истории». М. 1970; «Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса». М. 1972; «Фридрих Энгельс и военная история». М. 1972.

⁴ В многочисленных работах по методологии истории, разумеется, широко используются высказывания классиков марксизма, в частности Ф. Энгельса. См., например, П. Н. Федосеев, Ю. П. Францев. О разработке методологических вопросов истории. «История и социология». М. 1964; А. И. Гулыга. История как наука. «Философские проблемы исторической науки». М. 1969; А. И. Данилов. Материалистическое понимание истории и методологические искания некоторых историков. «Методологические и историографические вопросы исторической науки». Вып. 6. «Труды» Томского государственного университета. Т. 209. 1969 (общепризнан вклад ученых Томского университета в разработку методологических проблем исторической науки, нашедший свое отражение в этом и ряде других сборников); Д. Ахмед и Ю. Сагоманов. Об историческом познании (популярный очерк методологических вопросов). Баку. 1969; К. Д. Петряев. Вопросы методологии исторической науки. Киев. 1971; Н. Ирибаджиков. Ключ перед судом буржуазной философии. М. 1972; В. В. Иванов. Соотношение истории и современности как методологическая проблема (очерк по марксистско-ленинской методологии исторического исследования). М. 1973; В. А. Дьяков. Методология истории в прошлом и настоящем. М. 1974; С. Vobíňská. Historiker und historische Wahrheit. Zu erkenntnistheoretischen Problemen der Geschichtswissenschaft. В. 1967. Отдельные аспекты проблемы «Энгельс и методология истории» стали предметом специальных работ, в частности, в упомянутом выше сборнике «Фридрих Энгельс и военная история». См. также: Н. А. Девяшин. Проблема исторического

Ф. Энгельсу принадлежит в первую очередь заслуга в выяснении как органической связи, так и границ между методологической основой исторической науки и самой этой наукой, прежде всего с точки зрения ее предмета. Предметом истории как науки является объективный процесс развития экономических, политических и идеологических форм деятельности людей с момента возникновения общества. Подлежит изучению и само его становление, а также историческая эволюция природы в той мере, в какой она влияла — на этой, а частично и на последующих стадиях — на жизнедеятельность человека⁵. Этот процесс при всем его многообразии и сложности не является чем-то хаотичным и бессистемным. Поступательный ход истории при всех отклонениях и зигзагах «подчиняется внутренним общим законам», подчеркивал Ф. Энгельс⁶. Примечательно, что мысль об объективно закономерном характере исторического развития, буквально пронизывающая философские и исторические труды Ф. Энгельса, очень часто повторялась им и в письмах к соратникам, посвященных осуждению текущих партийных дел. «Впрочем, мировая история идет своим путем, не считаясь с этими мудрыми и умеренными филистерами», — писал, например, Ф. Энгельс А. Бебелю 16 декабря 1879 г. по поводу трусливого осуждения революционных выступлений масс оппортунистическими элементами в германской социал-демократии (К. Хёхбергом и др.)⁷. В письме В. Либкнехту от 27 января 1874 г. он, отмечая тщетность попыток лассальянского руководства помешать проникновению идей Интернационала в лассальянский Всеобщий германский рабочий союз, указывал, что «историческое развитие имеет свои законы, против которых бессилён даже могущественный Газенклер»⁸.

Задачей исторической науки, считал Ф. Энгельс, является выяснение внутренней закономерной связи между историческими явлениями. За внешне случайными обстоятельствами она должна выявить определенную обусловленность тех или иных событий, за отдельными фактами — закономерные процессы. Они должны определить реальные побудительные мотивы действий как классов и партий, так и отдельных личностей, далеко не всегда совпадавшие с субъективными восприятиями этих мотивов участниками событий, объективные причины и последствия этих действий. Ф. Энгельс был категорическим противником сведения истории к простому собиранию и описанию фактов. Творчество его как историка в этом отношении являло собой прямую противоположность работам представителей нарративного направления, в частности, занимавшей видное место в немецкой юнкерско-буржуазной историографии «объективной» школы Л. Ранке, которая возводила в принцип отказ от объяснения исторических событий и, по существу, низводила роль историка к их регистрации.

Разобраться в исторических закономерностях, указывал Ф. Энгельс, можно, только опираясь на общую диалектико-материалистическую кон-

закона в произведениях К. Маркса и Ф. Энгельса. «Проблемы методологии и логики наук». «Ученые записки» Томского государственного университета. Т. 79. 1969; Л. К. Алексеева. Ф. Энгельс и специфика социального детерминизма. «Актуальные вопросы идеологии наследия Фридриха Энгельса». М. 1970; Г. П. Давидюк. Социологические методы исследования рабочего класса Ф. Энгельсом. «Фридрих Энгельс и современная идеологическая борьба». М. 1972. Попытка систематизировать взгляды Ф. Энгельса по данной проблеме была сделана еще в 30-е годы в статье Ц. Фридлянда «Энгельс об истории как науке» («Историк-марксист». 1935, № 8—9).

⁵ Э. В. Гирусов. Ф. Энгельс и проблемы взаимодействия природы и общества. М. 1971.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 306, 174—175, 259; т. 20, стр. 23.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 34, стр. 342.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 33, стр. 517; см. также т. 35, стр. 144; т. 36, стр. 320, 447.

цепцию исторического процесса. В письме А. Бебелю от 16 марта 1892 г. по поводу книги Ф. Меринга «Легенда о Лессинге» Ф. Энгельс называл исторический материализм «путеводной нитью при изучении истории»⁹. Одним из основных принципов марксистской теории исторического познания, таким образом, является применение метода исторического материализма к исследованию исторических явлений в качестве решающего средства выяснения их закономерного характера, их сущности.

Однако исторический материализм — лишь методологический инструмент исторического исследования, помогающий проложить путь к познанию исторической истины, но отнюдь не заменяющий весь сложный, специфический процесс этого познания. В известном письме К. Шмидту от 5 августа 1890 г. Ф. Энгельс писал, что «наше понимание истории есть прежде всего руководство к изучению, а не рычаг для конструирования на манер гегельянства»¹⁰. Будучи методологической базой исторической науки, исторический материализм отличается от нее в отношении предмета изучения, да и в самом подходе к общественным явлениям; в обеих науках есть наряду с единством существенное различие. Исторический материализм выясняет общие законы общественного развития. Его категории, отражающие эти законы, неизбежно носят обобщающий, универсальный и абстрактный характер. Метод рассмотрения общественных явлений аналогичен тому, который применяет политическая экономия при анализе экономических отношений: это, как писал Ф. Энгельс, тот же исторический метод (все явления рассматриваются в процессе возникновения и развития), однако освобожденный от «исторической формы и от мешающих случайностей»¹¹. Для установления общего закона необходимо отвлечься от местных своеобразий его проявления, от отклонений от него, от осложняющих развитие побочных и второстепенных факторов. Между тем историческая наука в отличие от этого не может игнорировать конкретные формы и особенности исторического процесса, поскольку она изучает его в конкретной определенности. Ф. Энгельс не раз, в частности в письме П. Л. Лаврову от 12—17 ноября 1875 г., указывал на недопустимость для историка подгонки многообразия исторического развития под односторонние формулы. Такой метод, писал он, «сам себе выносит обвинительный приговор»¹².

Историческая наука изучает живой исторический процесс, совокупность сложных и противоречивых исторических явлений. Действие общих законов сочетается и переплетается в этом процессе с влиянием более частных причинных связей. Сами законы проявляются как определенные общественные тенденции, действующие в разных условиях, в зависимости от множества противоречивых обстоятельств и факторов, то с большей, то с меньшей силой и соответственно часто с неодинаковыми по масштабам и глубине результатами. Историческая необходимость в условиях стихийного общественного развития реализуется не непосредственно, а через сотни случайностей, внутренние законы истории, по выражению Ф. Энгельса, «пробивают себе дорогу в рамках этой случайности»¹³. Сложны и многообразны формы проявления взаимодействия между определяющим экономическим базисом и политичес-

⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 38, стр. 268—269.

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 37, стр. 371.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 13, стр. 497.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 34, стр. 134.

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 175. Подробнее см.: С. И. Джиоев. Историческая необходимость: ее природа, познание и реализация. Автореф. докт. дисс. Тбилиси. 1972; G. Stiehler. Die Rolle des Zufalls in der Geschichte. «Deutsche Zeitschrift für Philosophie», 1973, № 9; Л. А. Зимина. О случайности в истории. «Философские проблемы общественного развития». М. 1974.

кими, а также идеологическими надстройками. По-разному влияют на разных ступенях развития общественного производства природные условия существования общества, географическая среда. Решающая роль народных масс обнаруживается в стихийном — до появления социалистических отношений, открывающих путь к сознательному воздействию на исторический процесс, — столкновении множества индивидуальных волей. Ф. Энгельс в письме Й. Блоху от 21[—22] сентября 1890 г. отмечал, что «имеется бесконечное количество перекрещивающихся сил, бесконечная группа параллелограммов сил, и из этого перекрещивания выходит одна равнодействующая — историческое событие»¹⁴.

Определенное место в историческом исследовании должно занять изучение побудительных, в том числе психологических, мотивов участников событий¹⁵, социальной психологии в целом, а также индивидуальных черт и деятельности отдельных выдающихся личностей, как правило, лучше других выражающих тенденции общественного развития. Ф. Энгельс не только раскрыл роль отдельных выдающихся личностей в истории в общетеоретическом плане (см. его упомянутые выше письма об историческом материализме), но и сам в своих трудах дал меткие психологические портреты многих исторических деятелей (Мюнцера, Лютера, деятелей германской революции 1848—1849 гг., Гарибальди, Наполеона III, Бисмарка и др.). Его перу принадлежит несколько биографических очерков о пролетарских революционерах: Г. Веерте, В. Вольфе, И. Ф. Беккере.

Многообразна по формам своего проявления борьба классов — основная движущая сила истории антагонистических обществ. Историческая наука обязана не только выяснять ее характер, но и восстанавливать ее конкретный ход — тот «непрерывный ряд классовых битв», о котором Ф. Энгельс неоднократно, в частности в упомянутом письме Лаврову, писал как об определяющей черте истории с момента разложения первобытного общества¹⁶.

Таким образом, понимание особенностей самого предмета исторической науки, имеющей дело с закономерным, но в то же время необычайно многообразным, бесконечно варьирующимся в своих конкретных проявлениях процессом, обуславливает отрицательное отношение марксистской теории исторического познания не только к подмене истории фактографическим летописанием, но и к упрощенному схематизированию, игнорирующему фактическую основу исторического процесса. Собственные исторические работы Ф. Энгельса свидетельствуют, с каким серьезным вниманием относился он к исторической конкретике. В сохранившихся подготовительных материалах, раскрывающих его исследовательскую лабораторию, собраны обширные фактические данные. Составлял он и хронологические таблицы, в частности по истории Ирландии, а также чартистского движения, в которых фиксировались многие конкретные события, приводились сведения о большом числе исторических деятелей¹⁷. Однако даже в подготовительных работах это не было простым перечнем фактов, а осмысленным воспроизведением цепочки исторических явлений, обнаруживавшей в конкретной форме некоторые закономерности исторического развития (например, причины восстаний ирландского народа против английских колонизаторов, подъема и упадка чартизма). Разумеется, такие законченные работы Ф. Энгельса, как «Крестьянская война в Германии», «Революция и контрреволюция в Германии», «К истории древних германцев», «Про-

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 37, стр. 395.

¹⁵ См. В. А. Иванов. К. Маркс и Ф. Энгельс о месте психологического фактора в политической жизни общества. Автореф. канд. дисс. М. 1973.

¹⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 34, стр. 138.

¹⁷ См. «Архив Маркса и Энгельса». Т. X. М. 1948, стр. 107—156; К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 45, стр. 450—462.

исхождение семьи, частной собственности и государства», «Роль насилия в истории», «К истории первоначального христианства», отражают еще более высокую ступень исторического обобщения, покоящегося, однако, на прочном фундаменте изучения множества конкретных фактов.

Специфической чертой исторической науки Ф. Энгельс считал то обстоятельство, что она в отличие от естествознания и от ряда других общественных наук имеет дело с процессами, которые в данный момент либо уже закончились, либо, если речь идет о явлениях сравнительно недавнего прошлого, находятся уже не на изучаемой стадии. Историю, писал Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге», приходится заниматься происхождением и расцветом тех или иных общественных и политических форм, «когда эти формы уже наполовину пережили себя, когда они уже клонятся к упадку»¹⁸. Историческое познание поэтому не является прямым, непосредственным познанием предмета. Оно отражает его не в том виде, каким он есть в данный момент, а в том, каким он был в прошлом, через определенную временную перспективу. «Ясной картины экономической истории какого-нибудь периода никогда нельзя получить одновременно с самими событиями,— писал Ф. Энгельс во введении к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.»,— ее можно получить лишь задним числом, после того как собран и проверен материал»¹⁹. Ф. Энгельс, разумеется, не отрицал возможности научной интерпретации событий так называемой текущей истории. Работы К. Маркса «Классовая борьба во Франции» и «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» он как раз считал примером необычайной исторической проницательности автора и высокого совершенства его метода исторического анализа, позволивших научно раскрыть смысл только что совершившихся событий, идя буквально по их следам.

Но в принципе здесь подмечена весьма существенная объективная черта исторического познания, проявляющаяся независимо от таланта того или иного историка и его способности быстро улавливать существо происходившего и даже предугадывать дальнейший ход событий. Общий процесс исторического познания не совершается синхронно с познаваемыми событиями, какой бы ни был — большой или малый — временной разрыв между ними. Более того, чем меньше во времени отстоит историческое познание от исследуемых событий, тем больше трудностей, как правило, должно встретиться на пути их изучения: не выявлены еще все их последствия, не собраны и не стали доступными многие материалы, проливающие на них свет, и т. д. В дальнейшем по мере накопления этих материалов для исторической науки раскрываются в этом смысле все большие возможности, она приобретает все больше познавательных средств. Ф. Энгельс, в частности, в цитируемой работе пишет о важности появления статистических данных, собирание и обработка которых неизбежно требуют времени²⁰. По этой причине исторической науке приходится часто по мере ее развития вновь и вновь возвращаться к тем же событиям, к тем же объектам исследования, и это возвращение, как правило, представляет собой новую ступень в их познании на основе все более широкого круга источников и с помощью все более совершенных приемов исследования.

Другая особенность исторического познания заключается в том, что историку больше, чем ученому в других областях, приходится считаться со специфичностью, индивидуальным своеобразием явлений, даже сходных между собой. Повторяемость конкретного в истории

¹⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 20, стр. 90.

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 22, стр. 529—530.

²⁰ См. там же.

носит еще более относительный характер, чем в природе. Ф. Энгельс писал, что в истории общества «повторение явлений составляет исключение, а не правило; и если где и происходят такие повторения, то это никогда не бывает при совершенно одинаковых обстоятельствах»²¹. Такая специфика истории, несомненно, усложняет процесс познания, поскольку каждый раз приходится иметь дело со своеобразным проявлением общих законов. В значительной мере в силу этого в области истории науке еще труднее, чем в естествознании, претендовать на установление окончательной истины, познание еще большее носит здесь характер разной степени приближения к ней.

Из этого не следует, что Ф. Энгельс в принципе отрицал познаваемость исторических явлений. Марксистская теория исторического познания не имеет ничего общего со взглядами неокантианской школы Г. Риккерта и В. Виндельбанда, выдвинувшей тезис о трансцендентности истории, о невозможности выяснения каких-либо исторических закономерностей, о принципиальном, вытекающем из непознаваемости ее предмета отличии исторической науки от науки о природе. Относительность исторического познания Ф. Энгельс трактует отнюдь не в духе агностицизма и релятивизма. Это для него частный случай относительности познания вообще, развивающегося — в том числе и в области истории — на основе диалектического перехода от относительной истины к абсолютной. Установленные исторической наукой, даже в приближительной, условной, несовершенной форме, исторические истины — это отнюдь не плод субъективного воображения. Они существовали объективно, а в ряде случаев и продолжают реально существовать, когда событие еще не завершилось. Их непознанность в данный момент столь же относительна, как и познаваемость²². Препятствия для более глубокого или более правильного, адекватного познания того или иного явления — классовое пристрастие историка, национальное предубеждение, ложная методология, недостаток источников или несовершенство основных и вспомогательных исследовательских средств и т. д. — в принципе могут и должны преодолеваются по мере того, как в исторической науке все больше будет утверждаться научная методология марксизма-ленинизма, отражающая мировоззрение передового, революционного класса, заинтересованного в полном восстановлении исторической правды. Это позволит устранить классовые шоры, проложить путь к более объективному восприятию прошлого.

Даже такие преграды для исторического познания, как отсутствие источников или их недоступность в данный момент (в частности нерасшифрованность некоторых памятников древней письменности), по существу, во многих случаях являются временными. Ф. Энгельс высказывался весьма оптимистически на этот счет, выражая уверенность в том, что развитие исторической науки будет непрерывно обогащать источниковую базу и расширять познавательные ресурсы. В книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства» он предсказывал, что новые открытия в области археологии и этнографии позволят разгадать не одну загадку, касающуюся такого отдаленного прошлого человечества, как первобытная история и, в частности, дадут возможность внести существенные поправки в предложенную американским ученым Л. Морганом ее периодизацию²³. Если бы стали доступными все существующие памятники древнеирландского права, писал он в другой связи, не сомневаясь в том, что такое время, когда это станет возможным, наступит, многие стороны исторического прошлого Ирландии,

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 20, стр. 90.

²² См. Э. Н. Лооне. Об уровнях исторического знания и познания. «Труды по философии». Т. XVI. «Ученые записки» Тартуского государственного университета. 1973.

²³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 28.

в частности неясные намеки в ирландских анналах, раскрылись бы историкам: «многие сухие заметки предстали бы в новом свете, благодаря разъясняющим местам из сборников законов»²⁴.

Сознавая объективные трудности, стоящие перед исторической наукой, трезво оценивая ее современное ему состояние, отрицательное воздействие на нее классовой ограниченности и реакционных сторон буржуазного мировоззрения, Ф. Энгельс тем не менее твердо верил в возрастающие познавательные потенции подлинно научного исторического исследования. В своих представлениях о будущем истории как науки он исходил из признания поступательного в целом характера ее развития вопреки всем ретроградным тенденциям в буржуазной историографии. Он высоко оценивал прогресс в накоплении исторических знаний, а также и перспективы в этой области и был убежден в том, что научное понимание исторического процесса, получая все большее подтверждение, полностью восторжествует. Широкие горизонты, предсказывал он, откроются перед исторической наукой, а также перед естествознанием, когда они «впитают в себя диалектику»²⁵. Ф. Энгельс был полон уверенности в том, что победа социалистического строя приведет в будущем к расцвету всех отраслей науки, в том числе исторической²⁶.

Путь к познанию истории лежит через исследование источников: материальных и документальных (письменных) памятников минувших эпох и периодов. Ф. Энгельс не оставил специальной работы по источниковедению как вспомогательной исторической науке, занимающейся классификацией источников, изучением способов и приемов их обработки. Но из его многочисленных обращений к самым разнообразным историческим материалам, из отдельных высказываний и собственных примеров характеристики и анализа источников в связи с тем или другим историческим исследованием (в частности, в книге «Положение рабочего класса в Англии», в работах по истории Ирландии, древних германцев и раннего феодализма, первоначального христианства и т. д.) вытекают определенные методические положения, касающиеся понимания роли источников с точки зрения теории исторического познания и путей использования их для установления исторической истины²⁷.

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 16, стр. 506.

²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 20, стр. 525, 92.

²⁶ См. там же, стр. 118, 359. В упомянутой выше статье Ц. Фридлянда о взглядах Ф. Энгельса на историческую науку положение Ф. Энгельса об относительности исторического познания толкуется в духе отрицания им вообще его достоверности в классовом обществе. «Исходным пунктом рассуждений Энгельса об исторической науке,— писал автор,— является исторически оправданный скептицизм в отношении достоверности исторического знания в буржуазном обществе» («Историк-марксист», 1935, № 8—9, стр. 9). С точки зрения Ф. Энгельса, только при социализме, как утверждает в статье, история станет достоверной наукой, поскольку над ней перестанут довлеть классовые мотивы. Такая интерпретация взглядов Энгельса представляется нам односторонней. При всем понимании классовой ограниченности буржуазной исторической науки Ф. Энгельс-диалектик отнюдь не считал ее во все времена неспособной устанавливать достоверные факты. Он высоко оценивал научные заслуги ряда буржуазных историков (О. Тьерри, Ф. Гизо, Г. Маурера, П. Рота, Л. Моргана, М. М. Ковалевского и др.), указывая, что некоторые из них подходили к пониманию отдельных исторических закономерностей и делали важные открытия. Историческую науку, по мнению Ф. Энгельса, уводит от истины влияние мировоззрения реакционных классов (а буржуазия не всегда была реакционной); передовые классы, особенно пролетариат, заинтересованы в достоверных исторических знаниях и способствуют их поиску. Борьбу за передовую методологию в исторической науке и, следовательно, за расширение ее познавательных способностей идеологи рабочего класса К. Маркс и Ф. Энгельс и их соратники, а позднее В. И. Ленин начали вести еще до установления социализма, как признавал и сам Ц. Фридлянд, в условиях классового общества.

²⁷ См. Л. В. Черепин и К. Маркс и Ф. Энгельс и некоторые проблемы истори-

Ф. Энгельс великолепно понимал значение источников как, если так можно выразиться, первичного сырья и исходного материала исторической науки. В своих трудах он стремился опереться на обширный круг материалов и документов — свидетельство того, как широко толковал он само понятие исторического источника. Он использовал данные археологии, нумизматики, этнографии, анналы, грамоты, памятники права, искусства, литературы, фольклора, свидетельства как местных, так и иностранных современников (путешественников и т. д.), государственные акты, договоры, документы внешней политики, памфлеты, протоколы парламентских дебатов, отчеты парламентских комиссий, статистические сборники, материалы судебных процессов, документы рабочих и демократических организаций, прессу и т. д. Разумеется, тип источников, привлеченных Ф. Энгельсом, варьировался в зависимости от исследуемых проблем и той или другой изучаемой исторической эпохи. При этом источники даже более позднего происхождения могут, по его мнению, служить для изучения более ранней эпохи. Так, этнографический материал, отражающий пережитки первобытных обычаев у некоторых племен и народностей XIX в., Ф. Энгельс признавал очень важным для восстановления черт древнейшего общественного строя²⁸. Для воспроизведения картины ирландского общества до английского завоевания в XII в. он считал возможным использовать сообщения об Ирландии английских писателей XVI—XVII столетий в качестве материала, на основании которого «можно было бы сделать ретроспективное заключение о более древнем строе»²⁹.

Большое значение, по мнению Ф. Энгельса, для познания той или иной эпохи имеют источники идеологического характера (литературные памятники политической и социальной тематики и т. д.). Они, как правило, ярко отражают духовную и общественную жизнь той или иной эпохи, передают стремления определенных классов и слоев, разумеется, в тех формах, в которых эти стремления преломлялись в их сознании. Поэтому Ф. Энгельс часто привлекал памфлетную литературу, полемические и публицистические произведения для изучения тех или иных событий и периодов, в частности при анализе идеологической борьбы времен Реформации и Крестьянской войны в Германии, английской и французской буржуазных революций и т. д. Такого рода материал нередко лучше другого помогал выяснять «движущие причины, которые ясно или неявно, непосредственно или в идеологической, может быть, даже в фантастической форме отражаются в виде сознательных побуждений в головах действующих масс и их вождей, так называемых великих людей»³⁰.

Использование исторических источников предполагает не просто воспроизведение их данных, а их критический анализ. Исследователь обязан отделить достоверное от недостоверного в том или ином историческом свидетельстве, в частности, как писал Ф. Энгельс в отношении средневековых ирландских анналов, установить границу, где мифологическая часть переходит в передачу действительных фактов, да и в самой мифологии отделить вымысел от подлинного народного предания, передающего в легендарной форме черты реального прошлого³¹. В задачу историка входит всестороннее изучение, в том числе и текстологи-

ческого источниковедения. «Источниковедение. Теоретические и методические проблемы». М. 1969; Г. М. Иванов. Исторический источник и историческое познание (Методологические аспекты). Томск. 1973.

²⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 47, 55, 63 и др.

²⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 16, стр. 509—510; см. также М. П. Завьялова. Метод ретроспекции и моделирования в историческом исследовании. «Вопросы методологии и историографии». Научные доклады. Вып. 3. Томск. 1974.

³⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 308.

³¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 16, стр. 504—506.

ческое, того или иного исторического документа, установление его происхождения, выяснение классового и политического облика его автора. Это даст возможность точнее установить степень достоверности отображения тех или иных фактов в данном источнике и отбросить тенденциозные версии, проистекающие из классового, сословного, национального и т. п. предубеждения той среды, из которой вышел документ. В работе с источниками Ф. Энгельс, разумеется, опирался на достижения буржуазной исторической науки в области источниковедения, на многие уже сложившиеся в науке приемы их критики³². Однако введение и последовательное применение классового критерия в качестве одного из руководящих принципов критического анализа и использования источников является заслугой марксистской историографии и Ф. Энгельса как одного из ее основоположников. Для проверки достоверности сведений тех или иных источников он прибегал и к сопоставлению версий, исходящих из источников разного происхождения, иногда от враждебных сторон³³.

Считая критический и аналитический подход к источникам одним из непреложных требований, вытекающих из научного характера подлинного исторического познания, Ф. Энгельс выступал, однако, против излишне скептического отношения к памятникам прошлого. Особенно возмущало его, когда этот скептицизм являлся формой проявления шовинистического пренебрежения буржуазными историками историческим прошлым и традициями угнетенного народа. Так, в частности, он оценил тенденциозное и высокомерное отношение английских буржуазных историков XIX в. к средневековым историческим памятникам Ирландии, их утверждение о якобы абсолютной легендарности многих версий ирландских анналов, используемое в качестве предлога, «чтобы отбросить все ирландское как явную нелепость»³⁴.

Критический анализ источников, по мнению Ф. Энгельса, является надежным средством установления достоверных фактов. Однако такой задачей историческая наука не может ограничиться. Ее цель не только установление, но и объяснение фактов, раскрытие, как уже говорилось, причинной связи между ними. От анализа источников исследователь должен перейти к систематизации его результатов, к группировке фактов, употребляя выражение Ф. Энгельса³⁵, к обобщению и синтезу отдельных наблюдений, к формированию определенной исторической концепции. Подобные концепции не обязательно должны рождаться в конце аналитической работы, они могут появиться и в ходе анализа, иногда в форме предположений, гипотез, которые затем либо отбрасываются, если вновь обнаруженные факты противоречат им, либо уточняются, подтверждаясь новыми материалами. Из гипотез они в этом случае превращаются в развернутые положения исторической науки. На этой стадии подспорьем историку служит не столько владение техникой работы с источниками, сколько умелое применение общей методологии к анализу исторических явлений, общетеоретическая и общеисторическая вооруженность (то, что называют исторической эрудицией, чем в высокой степени обладал сам Ф. Энгельс), умение сочетать историче-

³² Эти приемы и методы работы над источниками позднее были резюмированы известными французскими историками Ш. Ланглуа и Ш. Сежьебосом в их «Введении к изучению истории» (СПБ. 1899). В современной литературе обращает на себя внимание книга французского историка-антифашиста М. Блока «Апология истории. Ремесло историка» (М. 1973). Из марксистских работ см. А. П. Пронштейн. Методика исторического исследования. Ростов-на-Дону. 1971.

³³ На сопоставлении ирландских и скандинавских источников построена, в частности, энгельсовская характеристика битвы ирландцев с норманнами при Клонтарфе в 1014 г., окончившейся поражением последних (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 16, стр. 518—521).

³⁴ Там же, стр. 505.

³⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 39, стр. 85.

ский метод исследования с логическим. В соединении конкретного исторического анализа с логическим обобщением его результатов проявляется характерное для марксистского метода изучения общественных явлений вообще единство логического и исторического³⁶.

Марксистско-ленинская историческая наука именно на этой решающей ступени исторического познания обладает огромным принципиальным преимуществом перед буржуазной историографией, метод которой в лучшем случае дает ей возможность уловить лишь отдельные закономерности исторического процесса. В противовес этому марксистская историография опирается на понимание всей совокупности основных законов развития общества и для изучения их конкретных проявлений вооружена диалектической логикой, знанием законов материалистической диалектики. Применение диалектики к исследованию исторического процесса отвечает самому характеру этого процесса, в котором постоянно находит выражение объективное действие диалектических законов. Если природа, по выражению Ф. Энгельса, является пробным камнем диалектики, то в истории, по его словам, диалектические законы движения «господствуют над кажущейся случайностью событий»³⁷. Познать эту объективную диалектику исторических явлений можно, только пользуясь адекватными критериями в виде категорий диалектической логики, которые выражают сущность изучаемых процессов и помогают в конечном счете облечь их понимание в соответствующие исторические понятия и представления.

В своих работах «Анти-Дюринг», «Диалектика природы» и других Ф. Энгельс наглядно показал действие основных законов диалектики в истории. Классовая борьба, достигающая особой остроты в революционные эпохи, когда она становится главным рычагом смены одного общественного строя другим, ярко демонстрирует проявление закона единства и борьбы противоположностей. «В истории движение путем противоположностей выступает особенно наглядно во все критические эпохи у ведущих народов», — писал Ф. Энгельс³⁸. Первоначальное равенство первобытных людей переросло в свою противоположность — в социальное и политическое неравенство в классовом обществе, развитие которого должно, в свою очередь, привести к восстановлению на качественно новой основе утраченного равенства. Этот диалектический процесс, в котором воплощено действие закона отрицания отрицания, был подмечен уже Ж.-Ж. Руссо, выразившим его, разумеется, в свойственной его времени наивной, проникнутой морализированием форме. «Даже взгляд Руссо на историю: первоначальное равенство — порча, вызванная неравенством, — установление равенства на более высокой ступени —

³⁶ Разумеется, широкая и сложная проблема единства логического и исторического в применении к исторической науке отнюдь не сводится только к тому, что сказано выше. Имеется специальная литература по этой теме; см., в частности, М. М. Розенталь. Принципы диалектической логики. М. 1960; Б. А. Грушин. Очерки логики исторического исследования. М. 1961; Н. П. Французова. Исторический метод в научном познании (вопросы методологии и логики научного исследования). М. 1972; В. И. Столяров. Исторический метод познания в современной науке. М. 1973; И. И. Гриценко. Историческое и логическое в марксистской философии. Ростов-на-Дону. 1969. Автор последней работы, справедливо выступая против тенденции приписывать историческому методу задачу воспроизведения всей исторической конкретности, а не главных, характерных ее черт, делает неверный вывод: «Действительная история не может быть познана во всем своем многообразии» (стр. 113). Прежде всего познание многообразия истории (выяснение всех конкретных типов исторической эволюции и т. д.) и воспроизведение всех исторических деталей, недостижимое, да и отнюдь не необходимое для науки, — вещи разного порядка, которые не следует смешивать. Далее, если «все многообразие» действительно не может быть раскрыто в данном историческом исследовании или даже в ряде исследований, то отсюда не вытекает принципиальная непознаваемость его вообще. Ведь в принципе возможности исторического познания столь же неисчерпаемы, сколь многообразен исторический процесс.

³⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 20, стр. 11.

³⁸ Там же, стр. 527; см. также т. 34, стр. 322.

есть отрицание отрицания»³⁹. В историческом процессе постоянно происходит диалектический переход от количественных изменений к качественным и наоборот. В отличие от буржуазной позитивистской историографии, сводившей прогресс к постепенной эволюции прежде всего в духовной сфере, марксизм рассматривает поступательное движение истории как сложную и противоречивую смену эволюционного развития стремительным, революционным, смену, нередко сопровождающуюся и перерывами постепенности, возвращением вспять, частичным и временным регрессом. «История часто идет скачками и зигзагами...», — писал Энгельс⁴⁰.

Эти и многие другие примеры действия диалектических законов в истории приводились Ф. Энгельсом не только в доказательство их универсальности, но и нередко с целью подчеркивания огромного значения диалектической логики для научного познания исторического развития. Поэтому соответствующие высказывания имеют прямое отношение к марксистской теории познания вообще и к теории исторического познания, в частности. Задача последнего заключается, разумеется, не в том, чтобы выискивать в историческом процессе иллюстрации присущего ему диалектического характера, а в том, чтобы положить диалектику в основу подхода к исследованию исторических событий и явлений. Применение диалектического метода к истории заключается в умении рассматривать эти явления в их тесной взаимосвязи, в развитии, выяснять предпосылки процесса их зарождения, их зрелые формы и формы, которые отражают стадию упадка и разложения, вскрывать внутренние противоречия, присущие тому или другому явлению, отличая то, что составляет прогрессивную сторону противоречивого единства, от того, что относится к его консервативной стороне. Используя диалектику, исследователь должен выявлять природу тех или иных количественных изменений в общественном развитии, выделяя те, которые ведут к качественным скачкам, изучать причины, характер, последствия этих революционных взрывов, их роль в общественном прогрессе и т. д.

Одним словом, диалектика, с точки зрения марксизма-ленинизма, есть главное логическое орудие исторического познания. Однако правильное применение его не может быть односторонним. Нельзя сводить логические средства исследования только к тем, которые вытекают из основных законов диалектики, и устранять все другие исследовательские приемы, в том числе формально-логические. Сама сложность исторического процесса, многообразие проявлений диалектических законов в истории не допускают шаблонного использования научного метода, требуют разностороннего подхода к изучению исторических явлений, применения широкого арсенала логических исследовательских инструментов, как основных, так и вспомогательных. Марксистская теория исторического познания не ограничивает этот инструментальный набором раз навсегда установленных логических категорий. Она открывает возможности для его обогащения и усовершенствования, для использования самых разнообразных способов и конкретных методов исследования (в том числе методов системного, структурного и функционального анализа⁴¹, математических методов и т. д.), организуя их при этом в строго научную, подчиненную общим методологическим принципам систему.

³⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 20, стр. 641.

⁴⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 13, стр. 497.

⁴¹ В противоположность современным буржуазным «структуралистам», «функционалистам» и т. п., выдвигающим структурный и функциональный подход к общественным явлениям в качестве той или иной антитезы историко-материалистическому методу, советские ученые показали, что правильно понятый и примененный структурный и функциональный анализ отнюдь не противоречит историческому материализму и в сочетании с другими, опирающимися на марксистско-ленинскую методологию средствами

Ф. Энгельс пользовался весьма разнообразными способами логического осмысления исторического материала с целью раскрытия сущности исторических явлений. Довольно часто он обращался к сравнительному изучению различных исторических явлений, в том числе истории отдельных стран. Сравнительный метод он считал применимым не только в языкознании, при изучении истории развития различных языков одной или разных языковых групп⁴², но и при анализе исторической эволюции общественного строя и различных общественных институтов. Ф. Энгельс сам, например, сопоставлял черты общественного строя и древние обычаи у кельтов Ирландии и у древних галлов, положение различных классов и сословий в Германии накануне Крестьянской войны 1525 г. с их положением в других странах и т. д.⁴³

Признавая относительность действия закона повторяемости в истории, Ф. Энгельс, однако, отнюдь не склонен был абсолютизировать эту относительность. При всем своеобразии каждого события в истории, считал он, все же очень часто наблюдаются близкие ситуации, однотипные процессы. Иногда специфической является лишь форма проявления причины или совокупности причин одного порядка, сама же действующая по-разному в разных местах и при разных обстоятельствах закономерность представляет собой нечто однородное. Если в истории и не бывает полного тождества, то близость и аналогичность явлений наблюдаются сплошь и рядом. Поэтому сопоставление, аналогия в историческом исследовании, с точки зрения К. Маркса и Ф. Энгельса,— это не только вполне допустимый, но и чрезвычайно важный способ установления истины. Один из путей познания исторических закономерностей именно и заключается в изучении сходных, типичных не для одного, а для многих случаев проявлений их действия, а также близких последствий этого действия⁴⁴. Ярким примером подлинно научного применения сопоставления в истории представляет собой аналогия, проведенная Ф. Энгельсом в работе «Роль насилия в истории», между политикой и методами господства Луи Бонапарта и Бисмарка, между режимом Второй империи во Франции и тем, который создавал в объединяемой под эгидой Пруссии Германии «железный канцлер»⁴⁵. При этом Ф. Энгельс ни на минуту не упускал из виду те специфические прусские, юнкерские черты в деятельности Бисмарка, которые наложили особый отпечаток на его политику и на проведенные им преобразования.

Аналогии в истории иногда проявляются в карикатурной форме. Известно, например, что К. Маркс, развивая мысль Гегеля, писал о повторении крупных событий дважды: первый раз в виде трагедии, второй — в виде фарса⁴⁶. Ф. Энгельс допускал возможность и обратной последовательности. «После фарса следует трагедия», — отмечал он в письме к Эд. Вайяну от 5 декабря 1890 г. по поводу последствий

научного познания имеет большое значение для изучения общественной жизни. Системный, структурный и функциональный анализ широко применялся и самими классиками марксизма (см. Д. М. Угрюнович. Марксизм, структурализм, функционализм (о некоторых методологических проблемах современного обществознания). «Методологические вопросы общественных наук». Вып. 2. М. 1971; Э. С. Маркарян. Вопросы системного анализа общества. М. 1972; И. В. Блауберг, Э. Г. Юдин. Становление и сущность системного подхода. М. 1973; В. Г. Афанасьев. О системном подходе в социальном познании. «Вопросы философии», 1973, № 6; В. П. Кузьмин. Проблемы системности в теории и методологии К. Маркса. М. 1974).

⁴² См. Г. А. Климов. Вопросы компаративистики в трудах Ф. Энгельса. «Энгельс и языкознание». М. 1972.

⁴³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 16, стр. 521—522; т. 7, стр. 348—358.

⁴⁴ Подробнее см.: Е. М. Штаерман. О повторяемости в истории. «Вопросы истории», 1965, № 7.

⁴⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 442—444.

⁴⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 8, стр. 119.

краха буланжизма во Франции — откровенно хищнического хозяйничанья спекулятивных элементов крупной буржуазии, с одной стороны, и отрезвления увлеченных буланжистской демагогией демократических слоев, — с другой⁴⁷.

Исторические аналогии могли существовать не только между событиями более или менее одновременными. Бывало так, что сходные явления Ф. Энгельс обнаруживал в разные исторические эпохи. Так, при изучении истории Ирландии он счел уместным сопоставить поведение представителя английского абсолютизма XVII в. Карла I с аналогичными действиями прусского короля Фридриха-Вильгельма IV в середине XIX века⁴⁸. В работе «Крестьянская война в Германии» он сравнивал позицию и образ действий немецкого бюргерства XVI в. и его исторического преемника — немецкой буржуазии XIX в., находя много общего даже в условиях развития бюргерского и буржуазного движений разных столетий⁴⁹.

Марксистская теория исторического познания считает, следовательно, возможным проводить исторические параллели, если так можно выразиться, не только по горизонтали, но и по вертикали. Больше того, именно этот вертикальный срез, обнажающий исторические нити, которые связывают отдаленные эпохи с более поздними, помогает обнаруживать не только остатки старины в более развитом обществе, но и исторические корни позднейших явлений, зародыши того, что позднее достигло зрелости. Именно в выявлении исторических корней современных явлений заключалось, по мысли К. Маркса и Ф. Энгельса, актуальное значение исторической науки.

Методом аналогий, однако, Ф. Энгельс рекомендовал пользоваться чрезвычайно осторожно. Для того, чтобы аналогия была не поверхностной, а проведение параллели не превращалось в рискованную логическую операцию, затушевывающую суть событий, для того, чтобы внешнее сходство их не затемняло коренного различия между ними, необходимо было, чтобы объектом сопоставления становились действительно однотипные по своему объективному содержанию явления. Ф. Энгельс решительно протестовал против искусственного сближения разных эпох, против, в частности, модернизаторского применения к древности понятий, сложившихся в более поздних, иных общественных условиях, или применения к толкованию древних общественных институтов критериев, вытекающих из иных, более современных форм общественной жизни (стоит вспомнить, например, его критику модернизаторских представлений о первобытной семье, долгое время бытовавших в буржуазной исторической литературе, в предисловии к 4-му изданию «Происхождения семьи, частной собственности и государства»⁵⁰). Решительно осуждал Ф. Энгельс тенденции к стиранию специфических особенностей и своеобразия исторического развития, нередко наблюдавшиеся при неумелом и вульгаризаторском использовании аналогий. Так, в 1890 г. он протестовал против игнорирования немецким литературным критиком, одним из лидеров анархистствующей оппозиции «молодых» в германской социал-демократии, П. Эрнстом особенностей исторического развития Скандинавии (сохранение свободного крестьянства) и против проведения им знака равенства между воспитанными в духе независимости норвежскими средними слоями и раблепным немецким мещанством⁵¹. Для того чтобы аналогии действительно служили познавательным средством в изучении истории, они должны быть избавлены от всяких натяжек и модернизации, должны сочетаться с глубоким изучени-

⁴⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 37, стр. 435.

⁴⁸ См. «Архив Маркса и Энгельса». Т. X, стр. 167.

⁴⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 7, стр. 365, 436.

⁵⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 22, стр. 215.

⁵¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 37, стр. 351—353.

ем и раскрытием существа сопоставляемых явлений, с учетом всего их своеобразия, базироваться на принципе подлинного историзма.

Одним из приемов сравнительного изучения одготипных событий часто служит выявление не только их сходства, но и различий. Противопоставление здесь как бы диалектически дополняет сопоставление, является еще одним способом уяснения действия исторической закономерности. Оно помогает, в частности, выявить часто весьма сложное и запутанное соотношение между общей закономерностью и возможными отклонениями от нее, вызванными теми или другими причинами, решать на конкретном материале вопрос об общем и особенном в истории⁵².

Весьма наглядное представление о том, как Ф. Энгельс пользовался подобным приемом исследования, дает его рукопись «Заметки о Германии», а также другие его работы по германской истории. В них, в частности, сравнивается не только в плане сопоставления, но и в плане противопоставления политическое и идеологическое развитие Франции и Германии со времени средневековья вплоть до XVIII века. Проводя этот сравнительный анализ, Ф. Энгельс приходит к выводу, что одинаковые в основе своей экономические и социальные тенденции (разложение феодализма и становление капиталистических отношений) отнюдь не привели к тождественным последствиям в обеих странах в области их политического строя, хотя действовали они в одном направлении. Франция сумела сплотиться в единое национальное государство, абсолютизм здесь сыграл централизаторскую роль. Германия осталась политически раздробленной, абсолютистский режим утвердился в ней в форме мелкодержавного княжеского абсолютизма и некоего двоецентриа в виде двух более крупных соперничающих монархий — Австрии и Пруссии; этот австро-пруссский дуализм только усугублял децентрализацию страны⁵³. В первом случае историческое развитие приближалось как бы к классической модели, соответствуя общим историческим тенденциям, ведущим к формированию нации, к образованию национальных государств на базе развития буржуазных отношений. Во втором — налицо было очевидное отклонение от нормального развития, обусловленное действием побочных с точки зрения этих главных тенденций всемирной истории экономических и политических факторов (перемещение основных путей мировой торговли, оставившее Германию в стороне от них, поражение прогрессивных классов во время крестьянского восстания 1525 г. и т. д.). Ф. Энгельс писал Ф. Мерингу 14 июля 1893 г., что он все больше убеждался в плодотворности параллельного изучения истории Германии и Франции. «...Лишь сравнение с соответствующими периодами истории Франции дает правильный масштаб, ибо там происходило как раз противоположное тому, что у нас. ... Там — редкостная объективная логика во всем ходе процесса, у нас — дикий, все усиливающийся сумбур»⁵⁴.

Обязанностью историка, считал Ф. Энгельс, является не только устанавливать местные отклонения от, если так можно выразиться, генерального пути исторического развития и давать этим отклонениям научное объяснение, но и различать в каждом конкретном случае возможные варианты тех или других изменений и преобразований, разные типы эволюции, заложенные в том или ином явлении, раскрывая, разумеется, причины, по которым тот или иной тип при определенных исторических условиях брал верх над остальными. Такая задача и соответствующие приемы исследования вытекают из марксистского понимания исторической необходимости, детерминизма отнюдь не как фатальной силы,

⁵² См. Ш. В. Мисабишвили. Диалектика общего и особенного в социальном развитии. Сухуми. 1971.

⁵³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 18, стр. 571—573, 577—578.

⁵⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 39, стр. 85.

движущей события по заранее определенному и строгому плану. В каждом исторически обусловленном процессе содержится, как правило, несколько альтернативных тенденций для осуществления его в той или иной форме, несколько потенциальных путей развития. Победа того или другого зависит от многих реальных факторов, прежде всего от соотношения сил тех классов, которые заинтересованы в том или другом направлении необходимой эволюции. Исследователь должен выявить эти возможные варианты конкретного пути истории, даже если один из них уже победил и к исходному моменту борьбы между ними практически уже нет возврата. Исключать из анализа нереализованные, но реально существовавшие возможности развития того или иного процесса нельзя без ущерба для понимания всей сложности этого процесса, а также совокупности обстоятельств, которые направили его по данному, а не по другому пути⁵⁵.

Классическим образцом именно такого подхода к проблеме альтернативности в общественном развитии является энгельсовский анализ различных путей объединения Германии в его работе «Роль насилия в истории». Только всестороннее рассмотрение этой проблемы и учет всех главных обстоятельств и возможностей позволили Ф. Энгельсу дать научный ответ на вопрос о том, почему объединение Германии произошло не революционным путем, а свое политическое единство страна обрела «под прусским верховенством»⁵⁶.

В своих работах Ф. Энгельс касался и такой важной методологической проблемы, как соотношение между субъективным восприятием исторического процесса представителями исторической науки и объективной исторической действительностью. Как и другие общественные науки, историческую науку Ф. Энгельс считал наукой партийной, отражающей, подобно другим идеологическим сферам, борьбу между противоположными общественными силами классового общества. Личные симпатии и антипатии историка, его неизбежно эмоциональное отношение к тем или другим историческим фактам и событиям, как бы ни старался он выглядеть беспристрастным наблюдателем, в конечном счете определяются классовым характером его миропонимания, сквозь призму которого он смотрит на прошлое. Ф. Энгельс с полным основанием считал глубоко фальшивым, прикрывающим апологетическую сущность буржуазной историографии стремление многих буржуазных историков отрицать партийность исторической науки, становиться в позу «объективных» исследователей. Критикуя одного из представителей объективистско-либерального направления в английской историографии Г. Смита, автора проникнутой шовинистическими тенденциями работы «Ирландская история и ирландский характер», Ф. Энгельс с негодованием писал: «При чтении этой книги, в которой под маской «объективности» оправдывается английская политика в Ирландии, не знаешь, чему больше удивляться: невежеству ли профессора истории или лицемерию либерального буржуа»⁵⁷. В другом месте, в своих «Замечаниях» на эту книгу, Энгельс характеризовал Смита как английского буржуазного профессора, «под маской объективности» занимающегося апологетикой⁵⁸. Это высказывание Ф. Энгельса вскрывает порочные черты буржуазного объективизма в целом.

⁵⁵ Применительно к ленинскому этапу марксистской исторической науки это, в частности, показано в работе Б. Г. Могильницкого «Альтернативность исторического развития и ленинская теория народной революции» («Методологические и историографические вопросы исторической науки». Вып. 9. Томск. 1974).

⁵⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 435.

⁵⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 16, стр. 497.

⁵⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 45, стр. 82. С таким подходом Ф. Энгельса к буржуазному объективизму целиком совпадает отношение к нему В. И. Ленина, ярко

Однако если классовые позиции буржуазной историографии на определенной стадии ее развития не только стали мешать уяснению исторической правды, но все больше толкали ее на путь фальсификации истории в угоду реакционной буржуазии, то партийность пролетарской науки, оценка ею прошлого с позиции пролетариата в принципе не противоречит подлинной объективности, а, наоборот, фактически является ее выражением. Буржуазный историк может быть объективен лишь в тех пределах, в которых допускает его мировоззрение; нередко даже простое добросовестное отношение к фактам приводит его к внутреннему конфликту с привычным буржуазным образом мышления или столкновению с другими представителями буржуазной историографии. Наоборот, интересы передового класса, стремящегося к прогрессу, целиком соответствуют объективному действию исторических законов, а его классовый, партийный подход к истории совпадает с задачами их всестороннего познания и использования⁵⁹.

Подлинный, а не надуманный опыт истории, выяснение действительных связей между прошлым и настоящим, делающее историю особенно актуальной (а не искусственное выискивание в прошлом примеров, подтверждающих ту или иную политическую концепцию), вооружают рабочий класс и его партию в борьбе за освободительные цели. Поэтому Ф. Энгельс считал проявление всякой предвзятости, утилитарно-прагматического подхода к политической экономии и другим общественным наукам, в том числе и к исторической,— все то, что ведет к натяжкам, к подгонке фактов под априорно и волюнтаристски выдвигаемые положения,— вредным для дела рабочего класса, чуждым марксистской методологии. Он писал П. Лафаргу 11 августа 1884 г.: «Марк стал бы протестовать против «политического и социального идеала», который Вы ему приписываете. Коль скоро речь идет о «человеке науки», экономической науки, то у него не должно быть идеала, он вырабатывает научные результаты, а когда он к тому же еще и партийный человек, то он борется за то, чтобы эти результаты были применены на практике. Человек, имеющий идеал, не может быть человеком науки, ибо он исходит из предвзятого мнения»⁶⁰. Совершенно очевидно, что под «идеалами» Ф. Энгельс имеет здесь в виду предвзятые, априорные идеи и что сказанное им в отношении «экономической науки» имеет прямое отношение и к историографии.

Но где гарантия, что добытая исторической наукой даже при соблюдении строгой научной объективности истина соответствует тому, что было в реальной действительности? Как на этот вопрос отвечает марксистская теория исторического познания? Критерием истины, учит марксизм, является практика. Способ практического доказательства научных истин, разумеется, разный для разных наук. Весьма специфичен он для исторической науки. Для отдаленного прошлого правильность представлений о минувших эпохах может быть подтверждена, как это неоднократно показывал в своих работах Ф. Энгельс, открытием новых исторических памятников и документов, подобно тому, как дарвиновская теория происхождения человека была подтверждена находками ископаемых антропоидов, архантропов и полиантропов. Сама практика исторической науки (в том числе археологические раскопки,

выраженное, в частности, в его критике «легального марксизма» П. Струве и др. (см. об этом Н. И. Смоленский. В. И. Ленин и проблема исторического объективизма. «Методологические и историографические вопросы исторической науки». Вып. 9).

⁵⁹ См. Б. Г. Могильницкий. Принцип партийности в историческом познании. «Методологические и историографические вопросы исторической науки». Вып. 10. Томск. 1974; Р. Г. Григорьян. Ф. Энгельс о партийности социального познания. «Ученые записки» Высшей партийной школы при ЦК КПСС. Марксистско-ленинская философия. Вып. IX. М. 1973.

⁶⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 36, стр. 170.

поиски новых источников, дешифровка документов и т. д.), ее развитие включает в себе мерило для оценки уровня исторического познания, достигнутого на предыдущей стадии, и ведет к углублению и уточнению этого познания.

Для исторических эпох, не утративших связующие нити с современностью, критерием истины является прежде всего общественная практика, базирующаяся на широком использовании исторического опыта. Пренебрежение уроками истории жестоко карается провалами в политике. Наоборот, правильно усвоенный опыт прошлого позволяет избежать политических ошибок, просчетов, волонтаристских решений, усиливает научно-объективные основы политической деятельности. Ф. Энгельс подчеркивал, что без уяснения «необходимой исторической связи», дающего ключ к пониманию вероятного развития событий, «невозможна никакая успешная партийная политика»⁶¹. На научном учете истории строятся и прогнозы будущего. Ф. Энгельсу удавались такие прогнозы именно потому, что они являлись у него выводами из глубокой научной оценки явлений истории и текущей действительности, из анализа исторической эволюции различных классов. «Пророческими словами» называл В. И. Ленин предвидение Ф. Энгельсом еще в 1887 г. масштабов и последствий будущей мировой войны — предвидение, опередившее события более чем на четверть века. Кое-что из этого прогноза, отмечал В. И. Ленин, осуществлялось по-иному. «Но удивительнее всего, что столь многое, предсказанное Энгельсом, идет, «как по писаному». Ибо Энгельс давал безупречно точный классовый анализ, а классы и их взаимоотношения остались прежние»⁶². Таким образом, прогнозирование будущего во многом должно опираться на историческую науку⁶³.

Практическая роль исторической науки как одного из средств научного обоснования политики передовых сил общества, пролетарских партий, по мнению Ф. Энгельса, должна усиливаться по мере общественного развития, как и роль науки в целом. Особенно эта роль, считал он, возрастет в социалистическом обществе, когда исчезнут классовые антагонизмы, когда историческое развитие приобретет характер сознательной, планомерной деятельности членов общества, а действующие до того стихийно общественные законы будут подчинены их контролю. Ф. Энгельс предсказывал, что именно с победой социализма наступит такой момент, когда «люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю», а это будет означать «скачок человечества из царства необходимости в царство свободы»⁶⁴. В таких условиях историческая наука служит делу не только познания общественных процессов, но и управления ими. Она будет помогать членам общества «организовывать совместную деятельность сознательно», как указывал Ф. Энгельс в 1893 г. в письме Дж. У. Ламплу⁶⁵, определять общие цели и добиваться их достижения.

Назначение исторической науки, считал Ф. Энгельс, отнюдь не сво-

⁶¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 35, стр. 305.

⁶² В. И. Ленин. ПСС. Т. 36, стр. 473.

⁶³ См. А. З. Манфред. Фридрих Энгельс и научное предвидение. «Мировая экономика и международные отношения», 1970, № 11; Ю. П. Ожегов. Социальные прогнозы Ф. Энгельса и их буржуазные фальсификаторы. «Известия» Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук, № 11(191). Вып. 3. Новосибирск. 1971; Г. А. Багатурян. Контуры грядущего. Энгельс о коммунистическом обществе. М. 1973; Л. Лавалле. За марксистское исследование будущего. М. 1974; S. Grundmann. Friedrich Engels und die Gesellschaftsprognotik. In: «Philosoph der Arbeiterklasse Friedrich Engels». В. 1971.

⁶⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 20, стр. 295. См. также М. Н. Руткевич. Идеи Ф. Энгельса о превращении исторической необходимости в свободу и их значение для современности. «Философские науки», 1970, № 6.

⁶⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 39, стр. 56.

дится к тому, чтобы удовлетворять естественную любознательность людей в отношении их прошлого. Она нужна, по его мнению, прежде всего для того, чтобы лучше, всестороннее осознать настоящее, вооружиться историческим опытом, необходимым в современных классовых битвах, использовать знание законов общественного развития для активного воздействия на исторический процесс, а в будущем, при социализме, и для сознательного регулирования его. «Ни в Германии, ни во Франции мы пока еще не в состоянии направлять историческое развитие», — писал Энгельс А. Бебелю 28 октября 1885 г., имея в виду тогдашние возможности социалистического движения. Однако он твердо считал, что влияние пролетарских партий на исторический процесс будет постоянно усиливаться и рано или поздно приобретет решающий характер. «Но наш черед придет — таков медленный, но неуклонный ход истории...»⁶⁶.

Велики в понимании Ф. Энгельса и воспитательное значение исторической науки, ее воздействие на формирование общественного сознания, ее роль в распространении революционных традиций прошлого. Свою работу «Крестьянская война в Германии» Ф. Энгельс, в частности, писал, имея в виду напомнить читателям о тех временах, когда «Германия выдвигала личности, которые можно поставить рядом с лучшими революционными деятелями других стран», и воскресить в народной памяти «неладно скроенные, но крепко сшитые фигуры Великой крестьянской войны»⁶⁷. В этом смысле особенно важна и другая сторона историографии: не только как она добывает историческую истину, но и как она сама воспринимает общую картину изображаемой эпохи и доносит ее до сознания современников. Каждой науке присущи свои особенности в способе изложения в зависимости от того материала, которым она оперирует. История занимается жизненными явлениями, порой насыщенными подлинным драматизмом. Научная объективность здесь поэтому должна сочетаться со стремлением отобразить этот драматизм. Историческое творчество в этом смысле граничит с художественным, хотя, разумеется, не тождественно ему. Эстетический элемент, свойственный самой исторической действительности, которая имеет и трагическую и комическую сторону, должен присутствовать и в историческом произведении⁶⁸.

Ф. Энгельс хорошо сознавал ценность отображения художественной стороны исторического процесса. Недаром он и К. Маркс так часто говорили об иронии истории⁶⁹. «Мировая история — величайшая поэтика, она сумела пародировать самого Гейне», — писал Ф. Энгельс в сентябре 1870 г. под впечатлением событий франко-прусской войны, пленения пруссаками Наполеона III под Седаном, напомнившего ему известное стихотворение немецкого поэта «Гренадеры» о плачевных

⁶⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 36, стр. 320.

⁶⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 7, стр. 345.

⁶⁸ См. А. В. Гулыга. Эстетика истории. М. 1974. Весьма примечательны в этой связи мысли ветерана исторической науки ГДР Ю. Кучинского, всю жизнь занимавшегося преимущественно экономической историей, но посвятившего одну из своих последних работ характерной теме «Музы и историк». На примере творчества Я. Буркхардта, И. Тэна и Г. Адамса автор показывает, какую важную роль в исторической науке играет художественное восприятие и воспроизведение действительности, как возрастают ее познавательные возможности, когда «видение художника находится рядом с системной концепцией ученого». Более того, реалистическое художественное чутье, подчеркивает Ю. Кучинский, нередко «спасает» историка от ложных теоретических концепций, помогает ему на практике часто выходить, как это видно на примере упомянутых историков, за рамки порой весьма ретроградных идеологических представлений (см. J. K u c z y n s k i. Die Muse und der Historiker. Studien über Jacob Burckhardt, Hippolyte Taine, Henry Adams. «Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte». Sonderband. В. 1974, S. 15—17) (выпуск посвящен 70-летию Ю. Кучинского).

⁶⁹ См., например, письмо Ф. Энгельса П. Лафаргу от 25 марта 1889 г. (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 37, стр. 140).

для Наполеона I последствиях его похода в Россию в 1812 году⁷⁰. Он считал, что, оперируя строго объективными и проверенными фактами, не допуская приукрашивания исторической истины и идеализации исторических деятелей, историк обязан заботиться в то же время о том, чтобы не обесцветить историю, передавая в тусклых и серых тонах то, что в действительности было ярким и красочным. Исторический труд должен донести до читателей колорит эпохи, передать драматизм событий, воспроизвести портреты их главных участников. Разумеется, это требует от историка известного писательского и популяризаторского мастерства, не всегда, к сожалению, уживающегося с исследовательским талантом. Однако в целом историческая наука обязана стремиться к этому. Образцом здесь опять-таки может служить творчество самого Ф. Энгельса как историка. В его исторических произведениях глубина анализа постоянно сочеталась с поистине художественно выразительной формой изложения, проникновенное понимание основных тенденций общественного развития проявлялось в гармоническом единстве с цельным и образным восприятием исторических явлений.

Таковы в общих чертах взгляды Ф. Энгельса на процесс исторического познания и на особенности исторической науки. Даже суммарный обзор этих взглядов показывает, какое большое внимание уделял методологическим проблемам истории великий корифей марксистской исторической науки Ф. Энгельс и какой большой вклад он внес в научную разработку этих проблем.

⁷⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 33, стр. 43.